

СОЦИАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: РЕАЛЬНОСТЬ И МЕДИА-ОБРАЗЫ

На чьей стороне должен быть журналист, и должен ли он быть на какой-нибудь стороне?

Анна КАЧКАЕВА, обозреватель Радио "Свобода"

Начну с картинки. Вернемся в 23-е октября 2002 года. Страна почти упускает начало телевизионного упоминания о захвате заложников на Дубровке. Почему? Потому что оно звучит в программе Ольги Романовой на REN-TV. Средний рейтинг этого канала несопоставимо мал по сравнению с рейтингами каналов национальных, на которых в вечерний прайм-тайм, как правило, показывают кино. И хотя НТВ включается с 22.00 в освещение событий, страна в основном в этот момент смотрит вот что: по Первому - сериал "По ту сторону волков", на "России" - "Линия защиты", на ТВЦ - "Охота на людей", на СТС - "Письмо из камеры смертников", на ТНТ - "Ночной огонь". Контекст понятен? Остается только изумляться символичности названий, которые существовали в телевизионном пространстве в этот трагический вечер. Следующие три дня вся страна жила в режиме от одного включения с места событий до другого.

Прошел год. Как страна вспомнила годовщину? В этот день возле Театрального центра на Дубровке было около ста человек, причем два параллельных митинга: один - официальный, с Кобзоном, и другой - собрание несчастных родственников заложников. Москве же, в общем, на годовщину было наплевать.

Если провести аналогию с 11-м сентября, то телевидение США - и в первую годовщину, и во вторую - демонстрировало солидарность с людьми, показывало тысячи скорбящих со свечами, не давало забывать о трагедии.

Что же происходило на российском телевидении? Государственные национальные каналы, словно сговорившись, вспоминали, в основном, день захвата, а о годовщине трагического дня штурма сообщали скороговоркой. Были показаны три или четыре фильма о тех страшных днях. Первый канал отреагировал жестким сериалом, который называется "Обыкновенный терроризм". Аналогия с фильмом М. Ромма "Обыкновенный фашизм" у людей старшего поколения, конечно, работает. Сериал "Обыкновенный терроризм" весь создан на материалах спецслужб, в основе - оперативные съемки (в том числе, кадры казни российского солдата, которые длятся минуты три и сопровождаются ощущением животного ужаса, звуками взрезаемого горла, бульканьем, предсмертными хрипами). В дни годовщины трагедии "Норд-Оста" Первый повторил серию, которая уже шла год назад (видимо, напоминали зрителю о "лице врага").

И только на НТВ и на REN-TV все-таки рассказывали о судьбах переживших этот год заложников, для которых у всего остального телевидения не нашлось сострадания. В эфир программы "Основной инстинкт" (Первый) на траурной неделе заглянули разные чиновники, и когда кто-то из журналистов осторожно спросил у господ Шойгу и Грызлова, наказан ли вообще кто-нибудь, то получил в ответ жесткую отповедь. Но программа шла в записи, и действительно неприятную для министров дискуссию вырезали. О годовщине штурма - она как раз пришлась на воскресенье - не упоминали во "Временах" на Первом канале, скороговоркой на 20-й минуте сообщили в "Вестях недели" (канал "Россия").

Телевидение за эту неделю сделало все то, что оно делало последние три года в отношении темы Чечни: граждане и так устали от неприятностей, нужно, чтобы они поскорее забыли и об этой драме. И страна, как всегда, по воскресеньям смотрела

КВН. И это сильно отличает реакцию телевидения в Америке после 11-го сентября и у нас после "Норд-Оста".

Что вообще происходит в этой связи с журналистами, как они себя ощущают? Многие из нас за минувшие десять лет сильно способствовали тому, чтобы власть перестала считаться с мнением прессы, а люди перестали прессе доверять. В том числе и журналисты делили страну на "своих" и "чужих", участвовали в "информационных войнах", работали, скорее, на рейтинг, чем на общественный интерес, следовали в фарватере производства дорогого развлекающего продукта, потому что он выгоднее оплачивается.

Для меня во всем, что произошло с российской журналистикой за эти десять лет - особенно в отношении конфликтов, насилия, которые всегда, как зеркало, проявляют противостояние власти и журналистики, - есть аналогия с "Бегом" Булгакова. Там есть такой вестовой при штабе, рядовой Крапилин. Когда генерал Хлудов уходит из Крыма, он оставляет вдоль дорог так называемые "фонарики", то есть на столбах вешает всех тех, кто с ним не согласен. И вестовой Крапилин в искреннем порыве бросает Хлудову: "Ты же изверг и палач!" Хлудов отвечает: "Поговори, солдат, поговори". Но, солдат, испугавшись вырвавшихся крамольных слов, бухается генералу в ноги: "Ваше превосходительство, смилуйтесь, я был в забытии..." Хлудов разочарован. "Ты плохой солдат. Ты хорошо начал, а кончил скверно", - говорит генерал. И вешает его. Правда, вестовой все равно становится хлудовским кошмаром - в финале пьесы генерал стреляется. Понятно, что примерить этот образ на взаимоотношения власти и прессы - рискованно, но... Пресса, разумеется, не только вестовой. Пресса во всем мире - и особенно в последние годы - берет на себя функции все более активного участника (сознательного или бессознательного - это вопрос отдельный) войн, конфликтов, террористических актов.

Как трансформируется идеологема насилия в прессе? В первую чеченскую войну российская журналистика не смогла устоять на профессиональной позиции беспристрастности, но, тем не менее, сострадала "чужому", не лепила яростно "образ врага" из собственных же соотечественников. Мотив бессмысленности войны тогда звучал очень сильно. Правда, власть в этом смысле никогда не менялась. Вот слова Олега Сосковца, который в 1995 году говорил: "У журналистов не хватает мозгов, чтобы показать законность действий российского правительства в Чечне. Они показывают обожженную технику, ведут счет пленным, искалеченным и убитым". За пять лет в риторике мало что изменилось. Накануне смены политических эпох и лидеров из верховных уст прозвучало - "мочить в сортире".

Вопрос в том, на какой стороне журналист, и должен ли он быть на какой-нибудь стороне? К 2000 году тема бессмысленности войны в прессе уже не звучала, потому что изменилась парадигма образов и символов. Слова "мочить в сортире" дали импульс новой риторике. "Война" превратилась в "контртеррористическую операцию", "беженцы" - во "временно перемещенных", "чеченские бойцы" - в "бандформирования". Уход от конкретных судеб совсем увел тему войны на информационную периферию.

Что мы, уставшие от темы журналисты и просто граждане, знаем об этом сейчас? В выпусках новостей - скороговоркой сведения о трех-четырех погибших. Каждый день. Как о погоде. Сообщений - минимум, картинки - восстановленный фонтан на развороченной площади в Грозном, крупные планы докладывающих военных, благополучный особняк президента Кадырова - не помогают эмоционально оценить жизнь там. Это информационное табу и избирательность помогли обществу приспособиться к непрекращающейся войне и не задаваться мучительными вопросами. Запроса от общества нет. Люди не хотят об этом знать. А еще лучше, чтобы кто-нибудь там как-нибудь справился. И когда задаешь вопрос: "А если служить в

Чечню отправится твой брат, сын?" - обычно отвечают: "Про это мы вообще думать не хотим". Все, что происходит в Чечне, воспринимается как происходящее с не нами, с не нашими, с чужими. И в журналистском поле это сейчас никак не преодолеваемо. И нет заказа на то, чтобы задавать эти вопросы, обсуждать их, думать о том, насколько мы терпимы, готовы ли мы жить с этим чужим.

Телевидение во всем мире превратилось в оружие, и не только в переносном смысле. Вот ситуация в Ираке. Телевизионные локаторы, приборы ночного видения, электронная бомба, которая электромагнитным импульсом нарушает телекоммуникации воюющих сторон, видеофоны, которыми снабжены журналисты. Очень многие антивоенные митинги - это результат работы интернета. А телевизионные трансляции - их катализатор. Кроме того, в ситуацию войны вписывается не только привычное противостояние сторон, то есть войск, но и журналистов - профессионалы работают против профессионалов.

Что демонстрирует картина нового телевидения, меняющего мир? Возможно, еще не осознанную до конца смену этических, пространственных представлений о мире. Потому что зрелище новой войны становится спектаклем, к этому зрелищу не просто готовятся - его режиссируют, более того - его анонсируют. Насилие - это уже контекст мироздания, и телевизионная война в этом случае превращается в очевидное шоу. И дальше начинается информационное противостояние, борьба за рейтинги, за деньги. Идет смена этических парадигм, потому что тотальное наблюдение становится нормой - начиная от реалити-шоу и заканчивая тем, что зритель сидит и попивает кофе, а перед ним в реальном времени одни люди убивают других. Предсказания о превращении людей в публику окончательно подтверждаются, потому что если война - зрелище, то мировая общественность - это всего лишь зрительская аудитория.